

ПРОБЛЕМЫ И МНЕНИЯ

В.Г. Рамм

НА КНИГ И ПОВЫШЕННОГО СПРОСА...

Уважаемая редакция, хочу поделиться с вами своим возмущением и некоторыми соображениями о распространении книг, системе их рекламы, распределения и пр.

Сейчас стало, наконец, всем понятно, что товарно-денежные отношения все-таки присущи социализму и эффективное хозяйствование должно основываться на них, а не на компетентных суждениях сведущих людей или назначенных, кем положено, ответработников. А то ведь выпустим что попало, угрожаем огромные деньги, а где потом эти ответработники? — Глядь, на другую работу или вовсе на пенсию ушли. Нет уж, на товарно-денежных как-то спокойнее: с хозрасчетом, самофинансированием и пр.

Не всё, конечно, наперед предугадать. И у капиталистов бывает перепроизводство — и ещё как бывает! Но перепроизводство это не сочетается с дефицитом. Нету там такого — товарно-денежные отношения не позволяют (можно, конечно, с бензином свистопляску устроить — так ведь это злоупотребление монополиста). А у нас прекрасно всё сочетается — и перепроизводство, и дефицит. С одной стороны, магазины забиты (и обувные, и мебельные, и книжные), а с другой, как-то всё по-Воланду живем, — помните, в "Мастере": "Что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет?!"

Раз товарно-денежные отношения узаконены теперь в нашем обществе, то можно, наверное, и отказаться от удобного представления о дефиците, как о товарах, которых пока ещё (по объективным причинам, из-за временных трудностей) выпускается недостаточно. Давайте говорить серьезно. Дефицит — это симптом несоответствия между объемом производства (предложением), ценой и платежеспособным спросом.

И при социализме система распределения дефицита всегда означает предоставление дотации (через бюджет, конечно) тем, кому этот дефицит достался, за счет тех, кому он не достался.

А природные условия, временные трудности, дефицит сырья или оборудования для производства дефицитного продукта — всё это не при чем. Только три ингредиента: объем производства (предложение), цена и платежеспособность. И ликвидируется ~~э~~ этот дефицит соответственно тремя способами: увеличением производства (как с градусниками или с холодильниками), увеличением цены, отсекающим часть платежеспособного спроса (как с коврами, ювелирными изделиями и т.п.), и, наконец, самое интересное, непосредственным воздействием на спрос.

Один из героев О'Генри говорил: "Создать спрос нельзя, но можно создать условия, которые обеспечат спрос". Очевидно, можно действовать и в противоположном направлении — создавать условия, которые будут уничтожать, затапывать, разгонять спрос. Самый простой способ — это ухудшение качества. Скажем, цветные телевизоры были недавно большим дефицитом; однако, работая над их качеством, промышленность добилась того, что каждый желающий может, в конце концов, приобрести себе это чудо XX века; разве что побегает чуть-чуть, но сможет. А будь они такого качества, как японские, — ведь никаких бы связей не хватило, чтобы раздобыть этот один из самых массовых товаров нынешнего тысячелетия. Нашим типографиям, тоже многие годы работающим над качеством выпускаемых книг, тоже удалось добиться некоторого уменьшения спроса, хотя и явно недостаточного!

Но всё же качество — материя непростая: госприемка, рекламации, позор, о котором объявляют всенародно... Есть определенные неудобства. Гораздо приятней и безопаснее бороться со спросом, объясняя ему, что его не существует; а если все-таки он есть, — то это лишь временное упущение в воспитательной работе и т.п.

Подобная пропаганда — это необыкновенно интересный вид служения человечеству. Не хватает мяса — значит надо в печати, в различных изданиях, в программе "Здоровье" и пр. объяснять, что мясо вредно, от него отложение солей и вообще... Джинсы не умели производить (да и сейчас толком не умеем), а закупать не решались: как-то валюту было обидно тратить на штаны — стали рассказывать, что джинсы — это свидетельст-

во низкого морального облика, низкопоклонства и отсутствия патриотизма. И как-то так занесло нас далеко, что и теперь, когда джинсы (правда, импортные) уже лежат в магазинах и давно перестали быть "наваристым" объектом спекуляции, все же во многие важные учреждения (и не только в рестораны) человека в джинсах не пустят. Особенно, если этот человек женщина. Моей знакомой, юную кормящую мать недавно не захотел слушать главврач детской поликлиники на том основании, что она осмелилась прийти туда в джинсах. Много есть в нашем народном хозяйстве таких примеров, как говорил Ленин, — "при наших гнусных нравах с обязательной претензией на истинный коммунизм". Но речь идет не обо всем народном хозяйстве, а о любимой сфере: о литературе, о книгах, их издании и распространении.

У нас существует такое интересное понятие "товары повышенного спроса". И книги "повышенного спроса" отмечаются в документах специальным индексом "ПС", и в темпланах читателям, библиотекам и книготоргам напоминают, что "на книги повышенного спроса заказы не принимаются".

Я раньше недоумевал, что это такое — "товар повышенного спроса"? Наверное, думал, это то, что нужно больше, чем другого. Спрос больше — на всё нормальный, а тут вдруг повышенный.

Давайте представим: пуговицы — это "товар повышенного спроса"? — Их ведь каждому из нас нужно несколько десятков. Да, вроде, нет — не повышенного.

Хотя вот рубашек выпускается гораздо меньше, чем пуговиц. А холодильников значительно меньше, чем рубашек. Но больше, чем автомобилей. Зато автомобилей делают куда больше, чем концертных роялей. Но не являются и эти рояли "товарами повышенного спроса", хотя их совсем немного производят... Впрочем... Мне нужен голубой концертный рояль под цвет платья моей дочери. Один. А в продаже нету. Значит, все-таки повышенный спрос? Глупости — куда его дальше-то понижать, если кроме меня никому такое не нужно?

Ну, холодильники, телевизоры, автомобили, голубые рояли... Спрос на них "платежеспособный", т.е. эластичный, зависящий

от запрашиваемой цены. А ведь есть и фиксированный — цены на таком низком уровне, что спрос к их вариациям не чувствителен. Скажем, сода и соль. Скажите, пожалуйста, почему одна является "товаром повышенного спроса", а другая — нет? Какие тут такие геологические или погодные условия виноваты?

Думаю, что "товар повышенного спроса" — это такой, спрос на который известен, и не просто спрос, а платежеспособный; но выпускать сей товар собираются в количествах существенно меньших, чем этот известный спрос. Как кремосбивалки ленинградского завода полиграфических машин, как сборники зарубежной фантастики и др. Когда и база есть, и ресурсы, а не хочется — и всё. Нечего, мол!

Вернемся к книгам. Еженедельник "Книжное обозрение" (в № 8 за 20.02.87) под рубрикой "Издатель — читателю" опубликовал замечательную статью члена-корреспондента АН СССР, ответственного редактора собрания сочинений С.М.Соловьева, главного редактора журнала "История СССР" И.Д.Ковальченко под названием "Кому и зачем нужен Соловьев?" В статье Иван Дмитриевич приводит, проникнутое надеждой и пропитанное слезами мольбы, письмо 29-летней Ольги Петровны Ивайловской, матери двоих детей, оператора КИА на Саяно-Шушенской ГЭС. Приводит это письмо как одно из типичных писем читателей, пишущих в издательство "Мысль", в Госкомиздат СССР, в "Книжное обозрение", в "Литературную газету" и пр. с просьбой. — Нет, нет, не требованием! Упаси боже! С просьбой сделать так, чтобы можно было подписаться на собрание сочинений В.О.Ключевского и С.М.Соловьева.

"Со всей решительностью должен заявить: нет!" — пишет в статье ответственный редактор собрания сочинений. Нельзя разрешить всем желающим подписываться на эти книги "по той простой причине, что нужны они специалистам в области истории, тем, кто профессионально занимается изучением истории общественно-научной мысли". Хотя, конечно, после XXVII съезда КПСС и пленумов ЦК "в небывалых масштабах возрос интерес к истории, к прошлому страны. То, что еще совсем недавно было уделом сравнительно узкого круга специалистов, сегодня стало занимать умы миллионов людей. Помилуйте! Какое там "стало

занимать"?! История родины, да и, вообще, история всегда интересна гражданину. А наша история вовсе не "стала занимать", а всегда была всем нужна и интересна. Просто раньше в ней оставались места, предназначенные не "для широкого круга читателей", а лишь для специалистов (скажем, через спецхран). Просто раньше изложение истории нашей во многих случаях носило апологетический или тенденциозный характер. Просто то, о чем раньше нельзя было спрашивать, чем "не рекомендовалось" интересоваться, — теперь стало можно. Например, наши 20-е и 30-е годы. Стало можно — потому что без этого сегодня не получится. Не сможем мы изменить в нашем сегодня ничего, если останемся "баранами, не помнящими родства". Уважаемый ученый-историк признает: "Прошлое как раз и существует для того, чтобы лучше ~~понимать~~ понимать настоящее". И вправду, до сих пор памятно потрясение, когда лет 20 назад, читая у Тапата в "Анналах" про Октавиана Августа, я вдруг понял, почему С.Орджоникидзе мог взрезать себе вены, понял, какая была обстановка в середине 30-х годов в нашей стране.

Хотя, конечно, главному редактору журнала "История СССР" сверху виднее, кому надо знать все подробно и доподлинно, а кому достаточно библиотеки "История Отечества в романах, повестях и документах", "ЖЗЛ" и "Военных мемуарах".

"Надо исключить случайность в приобретении подписки на сочинения В.О.Ключевского и С.М.Соловьева, — пишет ученый-историк. — Раздутый до невероятных размеров ажиотаж... требует разумного регулирования." Надо, как предлагается в статье, "с помощью книготорговых работников, активистов ВОК и других представителей общественности" выяснить потребность среди специалистов в НИИ, вузах, музеях, библиотеках, архивохранилищах и т.д. Чтобы не попала подписка к людям, привыкшим "к престижному коллекционированию дефицитных книг". Потому что (статья заканчивается мощным аккордом) "очень точно заметил поэт: "История есть достояние общее, а не каких-нибудь отдельных лиц".

Такой неожиданный и изящный логический поворот буквально ошеломляет. И в целом статья восхищает своим полемическим мастерством и убеждает, что действительно не нужны Ключ-

чевский и Соловьев никому, кроме специалистов, тем более, что "мы не все приемлем в них концепции исторического развития России — скажем, у Ключевского давлает географический принцип, а Соловьев весь во власти борьбы государственности с родовым началом..."

Убедил меня уважаемый ответственный редактор: не нужны мне эти историки. Пусть кому положено, тот и читает, мучается.

Но вот что возмущает. И возмущает до глубины души. В то время, как ответственные и компетентные люди убеждают окружающую, пишущую и умоляющую публику, что не нужны им Ключевский и Соловьев, издательство "Знание" безответственно выпускает брошюру "Лекторское красноречие русских ученых XIX века", написанную В.П.Чихачевым. А в этой брошюре безответственный автор, написавший уже, оказывается, несколько работ по проблемам лекторского мастерства, безответственно, и тем хуже, что с сочными примерами и хорошим языком, рассказывает о разных ученых, и, в том числе, о злополучных Василии Осиповиче Ключевском и Сергее Михайловиче Соловьеве, его учителе. Из этой безответственной брошюры становится понятно, почему лекциями В.О.Ключевского заслушивались и в Александровском военном училище, и на Московских женских курсах, и в Духовной академии, и в Московском университете; понятно, почему его избрали не только академиком по истории, но еще и почетным академиком по разряду изящной словесности Петербургской АН. Становится понятно, почему Н.Г.Чернышевский, которого К.Маркс почитал за "единственного действительно оригинального мыслителя", а В.Ленин, по словам Н.К.Крупской, любил как вряд ли кого-нибудь ещё, — почему этот Чернышевский так высоко ценил статьи и пр. сочинения историка Соловьева.

Но, товарищи! Это же чистейший оппортунизм!

И что самое ужасное: брошюра В.П.Чихачева стоит всего 25 копеек и продается свободно! Если бы компетентные организации определяли, нужна мне брошюра "Лекторское красноречие.." или нет, они, возможно, нашли бы, что у меня есть право на её приобретение: я около 25 лет член общества "Знание", занимаюсь лекционной работой и когда-то окончил университет лек-

ТОРСКОГО мастерства. Но с другой стороны — тираж-то всего 45 тыс., а в обществе "Знание" членов значительно больше и кто знает, кто знает... А тут безответственная свободная продажа, и эта безответственная брошюра может попасть в руки людей, которым не положено вовсе иметь Ключевского и Соловьева! Попасть, разбудить у них нездоровый интерес и способствовать, как верно говорит ответственный редактор, раздуванию ажиотажа. Нет! Нельзя этого допускать!

"Пора, наконец, — как предлагал один ответственный работник у М.Е.Салтыкова-Щедрина, — на литературу надеть намордник!" Нельзя же, действительно, одновременно идти в две противоположные стороны. Эффективная политика не может быть эклектичной. Давайте, будем последовательны и пойдем до конца.

Многоуважаемый ученый... как бы это подликатнее ... заблуждается, надеясь с помощью централизованного адресного выявления достойных "подписантов" вытеснить из их числа "людей, привыкших к престижному коллекционированию дефицитных книг". Природа дефицита чуточку сложнее. Дефицит — недостаток предложения по отношению к платежеспособному спросу — имеет со спросом положительную обратную связь: он рождает и раздувает искусственный спрос. Это происходит, практически, с любым дефицитным благом: с книгами, с поездками за границу за госсчет — в составе, например, научной делегации, с путевками в санатории. Меня три раза направляли в санаторий для лечения и всё три срок моего пребывания включал новогодний праздник. Это не случайное невезение, просто соцстраховская путевка — это дефицит, и здоровые люди, имеющие в силу административного положения к ним первоочередной доступ, разбирают все что есть на более приличное время ради получения в специализированном санатории общеукрепляющих процедур. Хорошо, новый министр здравоохранения Е.И.Чазов написал в "Правде" о необходимости получать с этих здоровых людей полную стоимость санаторных путевок. Часть платежеспособного спроса отсеется и "давка" уменьшится — благо станет менее дефицитным.

С дефицитными книгами происходит то же самое. Деля книгу дефицитной, снабжая её индексом "ПС", обладание ею заведомо делают престижным, как посещение, скажем, концерта зна-

менитого музыканта. Понимаешь в музыке — не понимаешь, какая разница?! Не пойдешь — уважать не будут, думать начнут черт знает что!.. И как же эти "коллекционеры" получают дефицитные книги? — А через тех как раз, кто имеет право, либо просто имеет доступ. Несколько лет назад мне довелось побывать в гостях у директора книжного магазина. Я остолбенел, увидев книжные полки, сначала меня бросило в жар, когда появилась возможность поглядеть, какие книжки бывают и поддержать их в руках, а потом — в холод, когда я увидел, что почти все они, как говорили раньше, "неразрезаны" — никто к ним до меня не прикасался, хотя многие стоят уже 5-10 лет.

Дефицитные книги — это особый дефицит, не совсем такой, как билеты на концерт и путевки. Дефицитные книги (и подписки, конечно) легко обмениваются на другие товары и услуги. На предприятиях в обществах любителей книги, дефицит зачастую используется как средство коррупции: начальство получает дефицит (за деньги, разумеется) и служебные отношения между ним и функционерами общества становятся иными. Давайте не будем закрывать на это глаза. Остродефицитная подписка (товар сильно повышенного спроса) обменивается на поездку в длительную заграничную командировку, на продвижение в очереди на квартиру или автомобиль, обменивается на продвижение по должности и зарплате, на освобождение от ответственности (можно сказать: "на более тщательное рассмотрение обстоятельств дела", — но суть-то не изменится). Наконец, дефицитная подписка просто-напросто обменивается на деньги, т.е. становится объектом спекуляции. Как бы то ни было, книги, о которых мы говорим, ныряют в пучины "теневой экономики" и... тот, кто коллекционирует дефицит, как раз книги-то получит, а что может случиться с его каналом? Кстати, при свободной подписке, они перестают быть дефицитом и теряют коллекционную ценность — этого уважаемый автор статьи не заметил. Получат дефицитную подписку и учреждения, где никто к этим книгам не будет обращаться: сейчас из газет всем известны многочисленные факты приписывания читателей в библиотеках, чтобы сохранить фонд зарплаты, место работы и т.п. А что же приписки — это только

на автотранспорте, что ли? Дефицитная подписка появится у многих людей, которые не дотронутся после этого до книг. Появится, потому что им именно нужна: не для работы, не для чтения, а для обладания — как норковое манто (которое, наверное, уж не теплее тулупа), как подлинник великого художника. Появится она и на "черном рынке", и пойдет там по цене, устанавливающей (по К.Марксу) равновесие между предложением (объемом выпуска) и платежеспособным спросом. Это все законы экономики, рынка — их нельзя отменить, как нельзя отменить погоду — они объективны.

Так давайте действительно пойдем до конца. Если мы хотим, чтобы книги попадали к тем лишь, кому положено, то, во-первых, вспомним добрый старый наш лозунг, присущий разверстке, жесткому закреплению потребителей за поставщиками и фондированному обеспечению ресурсами — лозунг: "В рекламе не нуждается"! А чего там рекламировать, когда "всё уже расписано до ~~наши~~ нас"? Сообщения о книгах "повышенного спроса", т.е. о тех, которые собираются выпускать заведомо меньшими тиражами, чем нужно читателям, надо перестать помещать в темп-ланах, не пропускать в "Книжное обозрение" и выпускать эти книги исключительно под рубрикой "без объявления". Любые печатные материалы о таких книгах, критику, рецензии, а также какие-либо упоминания об издаваемых писателях распространять по системе ДСП, нумерованными экземплярами, с подпиской о неразглашении. Распространять эти книги необходимо не через обычные магазины, чтобы те, кому не положено, не только не имели доступа, но и не могли бы разгласить тайны существования этих книг, — распространять их надо через хорошо зарекомендовавшие себя в течение многих лет, закрытые распределители. А часть тиража, по-видимому, стоит реализовать непосредственно через спекулянтов — в порядке, скажем, их индивидуальной "трудовой" деятельности, заключающейся в скупке по государственным и перепродажей по спекулятивной ценам. И налог с них взимать и правильность заявленных цен на "черном рынке" контролировать, чтобы доходы не укрывали... И все будут счастливы! Помните, как в Л.Шейнина, вор во сне был счастлив, когда приснилось ему, что идет он по улице с мешком

и видит вдруг надпись на магазине: "скупка краденого". И государству лучше — не во взятки будет утекать часть спекулятивной надбавки, а в налог — государству! Во всяком случае, гораздо больше будет доход, чем, скажем, от украденной с книжного склада половины тиража книги стихов и песен В.Высоцкого, книги, имевшей, разумеется, индекс "ПС".

Мало того, необходима поддержка населения (сказать "читателей" язык не поворачивается): следует возродить — особенно интересно сделать это через общества любителей книги: систему проведения на предприятиях митингов с обсуждением, разоблачением и преданием остракизму книг, которые им читать не положено, намеченных к изданию под индексом "ПС". То, что никто в коллективе не читал этих книг, при этом лишь упрощает задачу. Как, помните, было с осуждением пастернаковского "Доктора Живаго"? Необходимо коллективные резолюции таких собраний помещать в газетах, а тех, кто все-таки что-то пронюхает и станет обращаться с просьбами (в редакции газет, в издательства и пр.), подвергать внимательному рассмотрению: заслуживают ли они доверия, оказывавшегося ранее, можно ли на них полагаться в будущем, и, вообще, какое у них внутри? Для этого письма их необходимо пересылать куда следует, для принятия соответствующих мер.

Все это опыт, которым мы ~~давно~~ долго пользовались и обладаем в достаточном количестве; чего тут стесняться!? И все будет спокойно. Без всякого нездорового ажиотажа. А литература?.. "В самом деле, ведь можно жить... и без литературы, — и не только без литературы, но и без хлеба, не правда ли? Лебеда и дубовая корка не лишены вкуса, ни питательности", — так обращался к читающей публике Н.Г.Чернышевский в "Очерках гоголевского периода русской литературы" и продолжал... Впрочем, позвольте прервать цитату — она длинна, хотя и необыкновенно актуальна.

Я понимаю, не должно было мне, всю жизнь занимающемуся математической экономикой, лезть в книгу, предназначенную для специалистов по Чернышевскому или по гоголевскому периоду, или, на худой конец, по русской литературе: каждому — свое!.. Понимаю, что не должно, но вот еще одно упущение из-

дателей: сборник статей Н.Г.Чернышевского "Письма без адреса" выпущен в серии "Библиотека русской художественной публицистики" — не для тех, кому положено, а опять-таки в свободную продажу!

Для того, чтобы книги не попадали к кому попало, недостаточно с помощью специальных комиссий, справок, анкет и ходатайств выявлять, кому из тех, кто просит книгу, действительно она нужна, а кому на самом деле ~~у~~ нет. Надо идти не к хозрасчету, а к максимальной централизации, надо вернуться к принципам недавнего еще ~~жесткого~~ жесткого времени, к принципам, втиснутым Л.Лиходеевым в лаконичное: "То, что вам надо, — мы вам дадим. То, что мы вам не дадим, то вам не надо!"

Но почему все-таки, как пишет И.Д.Ковальченко, "те, кто принимал решение переиздать труды наших маститых историографов, повторю еще и еще раз, имели в виду снабдить ими специалистов и исследователей, которых десятки тысяч, но никак не массовую читательскую аудиторию, в которой миллионы и миллионы жаждущих иметь "своего Соловьева"!

Почему эти компетентные и ответственные товарищи так настаивают на установление тиражей заведомо меньших, чем спрос? В чем тут дело? На этот вопрос отвечают через периодическую печать непонятливым читателям руководители Госкомиздата СССР. Все очень просто: если выпустить В.О.Ключевского и С.М.Соловьева таким тиражом, чтобы хватило всем желающим, то издательство "Мысль" выполнит свои планы (в листах-оттисках) сразу на много лет вперед, работники издательства окажутся ничем не заняты, издательство придется прикрыть, и "Мысль" заглохнет!

А мы слушаем эти речи и киваем, да, мол, какое тяжелое положение у издательства с его маленькими лимитами на бумагу и сдержанными планами в листах-оттисках и в экземплярах! Товарищи! Давайте, вместе опомнимся! Мы придумали, взвели у себя сумасшедшую систему планирования книгоизданий... Как полагается говорить: "Когда-то безусловно оказавшуюся полезной и сыгравшей свою безусловно положительную роль..." Ввели, сами от нее страдаем и путаемся ее, как "бяку зака-

ляку кусачую", которую Мурочка, внучка К.И.Чуковского, сама из головы выдумала!

Ненормальность системы планирования сразу же следует из того, что производительность труда издательских работников не в выработке, не в товарной продукции, не в рублях, а в том именно, над чем они работают: в учетно-издательских листах — никак эта производительность не зависит от тиража издаваемой книги, а финансовое благополучие издательств (и в конечном итоге, издательских работников) зависит от этого тиража, непосредственно. Но зависит очень интересно! Не просто: выше тираж — выше прибыль — выше отчисления издательству. Чуть сложнее. Есть годовой лимит по бумаге (или годовой план в листах-оттисках), есть нормы выработки для издательских работников (редакторов, корректоров, техредов, худредов — все в учетно-издательских листах за календарный период); причем, если для редактирования оригинального произведения норма установлена 7-10 учетно-издательских листов в месяц (для энциклопедических словарей и т.п. — 1,5-2 листа), то для переизданий норма — это 150 учетно-издательских листов в месяц.

Вот и планируйте себе фонд заработной платы. Хотите — организуйте переиздание книги массовым тиражом и держите в штате одного единственного редактора — по норме больше не выйдет, а бумажный лимит выберете быстро. А хотите — издавайте малыми тиражами оригинальные произведения — лучше малоизвестных авторов, тогда вполне оправданы малые тиражи; при этом и бумаги хватит надолго и работы надолго хватит на всех. Именно из-за этого переиздания и составляют лишь около 3% и являются нам слишком часто украшенные индексом "ПС". Надеюсь, вы согласитесь, что дефицитными оказываются обычно именно переиздаваемые книжки.

"Литературная газета" время от времени задает риторический вопрос: "Для кого издаются книги?" Подразумевая, наверное, что у читателей напрашивается ответ: "для читателей". Задает, и страстно, хотя и не очень внятно, разоблачает тех, кто думает: "для писателей". Не очень внятно хотя бы потому, что обсуждается, что именно издавать, с Союзом писателей, а не с

создам читателей — общество любителей книги не в счет, у него другие функции, да и разговор особый.

Но, по-видимому, правильные ответы на сакраментальный вопрос "ДГ" такие: "для издателей", "для Госкомиздата", "для плана". А что касается читателей и писателей: "Учтем, товарищи, и ваши интересы. Будем работать еще лучше".

Чтобы убедиться, что так оно и есть при нынешней сумасшедшей (еще раз употреблю именно это слово) системе планирования книгоизданий, недостаточно говорить только о дефиците, о книгах "повышенного спроса".

В науке правдоподобность теории резко возрастает, если эта теория начинает предсказывать появление ранее необнаруженных фактов и явлений. Так было с открытием химических элементов, предсказанных таблицей Менделеева; так было с планетой Уран, открытой за письменным столом. Давайте, попробуем. Раз существует "повышенный спрос", должен, наверное, существовать и "пониженный". Если книгами "повышенного спроса" мы называли книги, выпускаемые тиражом заведомо меньшим, чем платежеспособный спрос, то книгами "пониженного спроса" следует назвать те, что выпускаются тиражами, заведомо значительно превышающими платежеспособный спрос. Может быть такое — из области теологии? Ан, нет! И вовсе не такие это книги, которые издаются по блату: автор, мол, хороший человек, ему надо что-то кушать и, вообще... Нет, будем считать в этом случае издателей добросовестно заблуждающимися, хотя они и намеренно закрывают глаза на реальный спрос. Как, впрочем, могут быть "проколы" и с другой стороны: издали номер "Роман-газеты" с распутинским "Пожаром" таким же тиражом, как остальные ~~номер~~ номера... Так кто же знал?! Ладно, пусть. Не об этих книгах разговор. Книгами "пониженного спроса" является значительная часть научно-технической литературы. Особенно специальной — чем выше научный уровень такой книги, прорвавшейся в издательский портфель, и, соответственно, чем уже слой специалистов, для которых ее потребительская ценность высока, тем более правдоподобно, что она станет книгой "пониженного спроса". Издательство "Экономика" приняло, говорят, недавно историческое решение: ти-

ражом менее 5000 экземпляров не издавать! Мало ли что какая-то книга нужна не более чем 500 специалистам (причем лишь ста из них позарез) — пишите "пять тысяч", а то не примем, невыгодно. Вот какая экономика (уж не знаю, с кавычками или без). Как на железной дороге: не касается нас, какой у вас груз; пишите "60 тонн", а то не повезем — у нас план по большегрузным перевозкам! Приписки, как известно, тоже одна из болезней, порожденных дефицитом... не совести, нет — это слишком тонкая материя... производственных мощностей; и тоже с положительной обратной связью. А что касается лишних 4500 экземпляров, то за них беспокоиться не надо! Их купят члены общества книголюбов в нагрузку к дефицитным книгам. Или нет, давайте скажем более учтиво: "Они получают дефицитные книги, как награду за покупательскую активность". Эта активность иногда ведь простирается даже на прошлогодние календари, а уж о технических-то книгах что говорить!..

Таким образом, живет и процветает книгоиздание, хотя и обращающее внимание на читательский спрос, но ориентированное вовсе не на него, а на свои собственные внутренние соображения — я говорю здесь только о тиражах, оставляя в стороне качество (бумагу, клей, краски, печать), требования к уменьшению разнообразия форматов, к упрощению конструкции книги и ее оформления, навязываемые типографиями. Книгоиздания, имеющие в виду не интересы читателей, потребителей, публики, — а свои ведомственные интересы, диктуемые изжившей себя системой директивного планирования в объемных показателях, опирающейся к тому же на вульгарные представления о том, что такое рентабельность. Книгоиздание, действующее не на основе хозяйственного расчета (самоокупаемость, самофинансирование, самоуправление), а на основе, нелепость которой, уверен, очевидна для большинства из тех, кто умеет читать.

А теперь, я, позвольте, dokonчу цитату из Чернышевского: "Это не должно так продолжаться, Скромность и молчаливость, конечно, хорошие качества, но во всем вредно излишество, вредна и в литературных делах излишняя скромность со стороны публики. "Дали нам — мы очень рады и благодарны; не дают нам — что же делать?"

Как "что делать?" Должно требовать. Власть публики в литературных делах всесильна. Чего хочет публика, тем и бывает литература. Но желание должно быть выражаемо; — иначе как узнать его? Кто молчит, о том предполагают, что он ничего не хочет. Желание должно быть выражаемо сильно, неотступно: только неотступному желанию нельзя не повиноваться, а когда оно выражается слабо, робко, кому нужна обращать на него внимание? Когда литература или *р* не достигает своего истинного значения, или уклоняется от него, в том всегда бывает виновата только публика, а не кто другой. Общество не имеет права слагать с себя ответственность за недостатки, от которых терпит".

Эти слова Николая Гавриловича обращены и к нам сегодняшним; относятся и к нашему сегодня. Они не только о литературе, конечно, но ведь и о литературе-то в первую очередь!

Будут ли издатели убедительно, страстно и смело с помощью издаваемых книг рассказывать нам о перестройке или ещё и сами начнут перестраивать свою деятельность в соответствии с требованиями времени, станут ли они агитировать за перестройку не только словами, но и собственным примером — зависит это от нас с вами, от публики!

§§§§